

1

2009

НИВА

Журнал "Арт" ("Лад") - в "Ниве"

И. Казанцев. Последняя любовь (повесть)

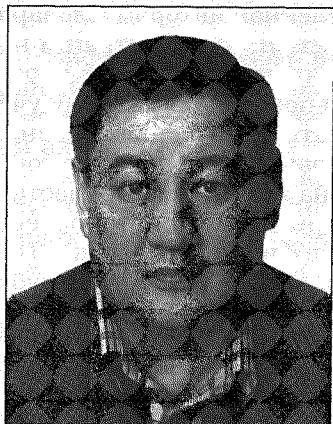
А. Олексюк. Четыре рассказа

Ю. Поминов. Хроника смутного времени (книга вторая)

Б. Канапьянов. Словарь столетий

В. Бойко. Записки неопределённого жанра

Л. Енисеева - Варшавская. Аристократ духа Яков Штейн

Бахытжан КАНАП'ЯНОВ

Словарь СТОЛЕТИЙ

I

“Из числа тюрков я — один из самых красноречивых и ясных в изложении, образованнейший, благороднейший по происхождению и самый ловкий в метании копья”, — скупое, но с чувством собственного достоинства говорит о себе великий предста-

витель правящей династии Караханидов, талантливейший этнограф, языковед, географ, историк, ко всем этим определениям более всего подходит ёмкое слово — энциклопедист — Махмуд ибн аль-Хусайн ибн-Мухаммед аль-Кашгари. Правнук правителя Богра-хана (Бурахана) родился в первой четверти XI века, ориентировочно в 1029-1039 годах в местности Барскоон вблизи Иссык-Куля. Выходец из рода Барсаган династии Караханидов. Получил образование в Кашгаре и продолжил учёбу в Бухаре и Багдаде. Обладал научно-энциклопедическими знаниями по правоведению, арифметике, Корану, шариату и хадису, а также досконально изучил арабо-персидские языки, литературу и культуру. По мнению исследователей, именно в Багдаде Махмуду аль-Кашгари пришла идея создания великого труда своей жизни — “Диван Лугат ат-Турк” (“Словарь тюркских языков и наречий”).

“Диван Лугат ат-Турк”, — утверждал в своё время известный тюрколог А. Н. Кононов, — является единственным источником информации о жизни тюрков XI века: о предметах их материальной культуры, реалиях быта, об этнонимах и топонимах, родоплеменном делении, о терминах родства, о титулах и наименовании различных должностных лиц, названиях пищи, питания, о домашних и диких животных и птицах, о терминах животноводства, о географической терминологии, о городах, названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной, административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этнической терминологии, о детских играх и забавах”.

По одной из версий, “Диван Лугат ат-Турк” Махмудом аль-Кашгари создан на основе труда учёного из Багдада Абр ар-Рахман ал-Басри “Китаб ул-айни” (VIII в.). Копия, сотворённая в 1266 году, была найдена у продавца старых вещей в 1915 году. В данном труде, состоящем из трёх томов и восьми книг, научно систематизированы около семи тысяч тюркских слов. Махмуд аль-Кашгари впервые в истории тюркологии использовал историко-сравнительный метод, создал основы диалектологии, сохраняя особенности тюркских племён, при описании слов использовал 242 бейта и 267 пословиц и поговорок. В Словаре наряду со строками, воспевающими героизм тюркских народов, чувства влюблённых, явления природы, приведены и образцы суфийской поэзии, которым в дальнейшем следовал в своих поэтических и философских трактатах Ходжа Ахмет Яссави.

Интересна и древняя круглая карта, составленная автором Словаря, где указываются места расселения тюркских племён, других стран и народностей того периода. Центром данной уникальной тюркской карты являются Кашгар и Баласагун, что существенно помогло известному учёному-археологу У. Х. Шалекену спустя тридцать лет с начала ведения археологических раскопок окончательно локализовать расположение города Баласагуна в местности Актобе Чуйского района Жамбылской области.

По некоторым данным Махмуд аль-Кашгари являлся автором ещё одного научного труда “Китап-и-джавахир-аннахв фи Лугат ат-Турк” (“Про ценные качества синтаксиса тюркских языков”), однако, к нашему глубокому сожалению, эта книга не сохранилась.

По утверждению известного узбекского учёного Эргаша Агзамовича Умарова, тюрки за период с VII по XIX века создали значительное число письменных памятников. Они написаны на рунической, согдийской, брахми, уйгурской, арабской графике и хранятся в востоковедческих фондах Парижа, Лондона, Дели, Стамбула, Тегерана, Вены, Берлина, Санкт-Петербурга, Ташкента. Среди лингвистических трудов особо выделяется “Диван Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари, единственный экземпляр которого хранится в Стамбуле в библиотеке Миллет Генель. Рукопись словаря состоит из 319 листов размером 239x169 мм. На каждой странице данного тюркско-арабского памятника 17 строк, написанных почерком насх. Особая ценность словаря состоит в том, что тюркские слова огласованы, то есть показаны орфография и орфоэпия слов. Судя по колофону, Махмуд аль-Кашгари завершил работу после четырёхразового редактирования в 446 году хиджры, что соответствует 1074 году. Текст сохранившейся рукописи был переписан с оригинала двумя столетиями позже — в 644 году хиджры, т. е. в 1266 году писцом Мухаммад ибн Аби Бакр ибн Аби-л-Фатх ас-Сави, позднее — ад-Димашки.

В предисловии “Дивана” учёный указывает, что труд его посвящён аббасидскому халифу ал-Муктади, высокому духовному авторитету, правившему в Багдаде в 1075-1094 гг.

При составлении словаря Махмуд аль-Кашгари, как установили Г. Бергштрессер и А. Б. Халидов, опирался на арабский словарь Абу Ибрахима Искака ибн Ибрахима аль-Фараби “Диван ал-адаб фи байан Лугат ал-араб” (“Словарь арабского языка в литературных цитатах”).

Таким образом, сейчас науке известен прототип “Дивана”. Ценность данного словаря заключается в том, что Махмуд аль-Кашгари тысячу лет тому назад как диалектолог на коне объездил места, где проживали тюрки. В предисловии “Дивана” он пишет: “Я прошёл их города и степи, узнал их наречия и стихи: тюркский, туркмен-огузский, чигил, йагма и кыргызский. Наречия всех племён усвоены мной в совершенстве и изложены изящной чередой”. Ввиду огромной ценности “Дивана” для тюркоязычных народов, населяющих широкие просторы Азии, он на протяжении двадцатого столетия издавался сначала на турецком, затем на узбекском, уйгурском, английском, казахском¹ и персидском языках. Теперь благодаря труду Зифы-Алуа Ауэзовой он впервые издан на русском языке в Алматы издательством “Дайк-Пресс” в объёме 1300 страниц.

¹ Известный казахский поэт и учёный Аскар Егеубаев в конце прошлого века перевёл “Диван Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари на казахский язык, поэтически придав древнетюркским лексемам именно казахское звучание, тем самым эмоционально приблизил древний памятник к современному казахскому читателю.

II

Зифа-Алуа Ауэзова впервые в истории востоковедения осуществила полный русский перевод с арабского оригинала тюркского лексикографического Словаря “Диван Лугат ат-Турк”², составленного в XI веке Махмудом аль-Кашгари.

Первые же отзывы крупнейших научных центров Евразии свидетельствуют, что данный фундаментальный и уникальный труд “обречён” на славное будущее, ибо “Словарь” во все времена был и остаётся объединяющим средством общения нашего бытия. И это тем более актуально и принципиально важно в эпоху Интернета и новых технологий, когда идёт “карикатурная” война представителей христианского и мусульманского миров, когда мы, земляне, переступаем порог глобализации нашей эпохи, во многом чреватой нивелированием наших чувств и этического восприятия нашего прекрасного и противоречивого бытия.

Уникальна сама судьба “Словаря” Махмуда аль-Кашгари. Ценнейший источник знаний общечеловеческого масштаба обретает славу далеко за пределами мусульманского мира. Гениальный труд Махмуда аль-Кашгари был сотворён в далёком XI веке и через рукописные свитки целое тысячелетие ждал своего часа, своего “мига сознания”, своего “момента истины”, когда в начале двадцатого столетия был впервые издан в Турции, затем были издания фрагментов на немецком (К. Брокельман), на турецком (Б. Аталай). На основе гениального труда Махмуда аль-Кашгари были созданы “Словарь среднетюркского языка” и “Древнетюркский словарь”, “Этимологический словарь тюркского языка до XIII века” в СССР, Китае, Великобритании, Турции, Азербайджане, США. Обо всём этом, а также о многих других факторах создания “Словаря” и его последующей удивительной судьбе, возраст которой вбирает в себя целое тысячелетие, с научной глубиной знания исследуемого материала, ёмко и образно выражено и высказано в обширном предисловии учёного и автора перевода. Со всей убеждённостью отмечаю, что само это предисловие является своеобразным дастаном, эпосом и поэмой в прозе во славу великого труда Махмуда аль-Кашгари. “Кубом дымящейся совести” называл книгу Борис Пастернак. Со всей ответственностью это определение я отношу как к “Дивану Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари в целом, так и к переводу данного словаря на один из пяти протокольных языков Организации Объединённых Наций — русский язык, который в силу сложившихся исторических обстоятельств является объединяющим средством для большинства тюркоязычных этносов.

Я горжусь, что именно в Казахстане, именно в Алма-Ате был сотворён и издан данный перевод “Дивана Лугат ат-Турк”.

В настоящее время уделяется пристальное внимание и со стороны государства, и со стороны общественной глубокому изучению государственного языка — казахского, который во все времена был неотъемлемой и составной частью тюркоязычного мира. Убеждён, что в этом нравственном и глубоко национальном, всенародном начинании роль и значение данного перевода “Дивана Лугат ат-Турк” чрезвычайно существенная.

² Махмуд аль-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Перевод и предисловие З-А. М. Ауэзовой. Индексы Р. Эрмерса. Алматы. Дайк-Пресс, 2005.

если не определяющая. Через пословицы и поговорки, через фольклорные поэтические образы, которые в силу своей нетленности пережили и переживут не одну земную жизнь и не одно поколение, и которые, словно жемчуг или бисер, рассыпаны по всем бессмертным страницам "Словаря", именно эти страницы и образы неоценимо помогут нашим современникам поверить в будущее казахского языка, который во многом, благодаря этому изданию, станет не только языком наших отцов и наших предков, как это собственно и было до недавнего времени, но и полнокровным языком наших детей и внуков.

Благодаря полному переводу гениального труда Махмуда аль-Кашгари, осуществлённому большим учёным и патриотом тюркской и казахской культуры Зифой-Алуа Ауэзовой, русскоязычный мир познал и познает великое и непреходящее значение тюркских наречий, которые на равных, а во многих случаях и превосходят по образности и глубине суждений арабские и ирано-персидские словосочетания и словообразования. Это постигал и понимал во время создания своего труда Махмуд аль-Кашгари, это постигала и глубоко осознавала за время создания своего перевода данного "Словаря" Зифа-Алуа Ауэзова.

"Тюркские наречия идут наравне с арабским языком, подобно двум коням на скачках" (ДЛТ, стр. 5).

"Аллах Всевышний вознёс светило Удачи к созвездиям тюрок,
царство их расположил среди небесных сфер,
назвал их ат-турк
и наделил могуществом,
сделал Правителями Века
и вложил им в руки бразды правления миром,
возвысил над [остальными] людьми,
усилил тех, кто был им близок и предан, направив к истине"
(ДЛТ, с. 2).

Мне довольно часто приходится бывать на южном берегу Иссык-Куля, вблизи Барскоона, где на расстоянии одного-двух горных перевалов, но уже в Китае, находится Кашгар, где родился создатель "Дивана Лугат ат-Турк" Махмуд Кашгари, а вблизи Кашгара есть селенье Опал, где он похоронен. Барскоон является родиной отца и предков Махмуда аль-Кашгари. По Барскоонскому ущелью не раз проходил со своим караваном в Кашгар мой предок Чокан Валиханов. Каждое лето, находясь в одном природном ландшафте, в котором творили и обитали знаковые фигуры тюркского этноса, я не раз задавал себе вопрос: "Почему, проживая подолгу в Кашгаре, красочно и образно описав его обитателей, будущий учёный и член Российского Географического общества Чокан Чингисович Валиханов ни словом не обмолвился о Махмуде аль-Кашгари?". Не было и свитка его "Словаря" среди книг, которые он привёз из Кашгара. И только в дневнике Чокан Валиханов вскользь упоминает о предке Махмуда аль-Кашгари Богра-хане. Воистину, всё в воле Аллаха, Милостивого, Милосердного, в Нём помощь!

Видимо, необходимо было Время-Космос, Время-Мир, Время-Судьба. Одним словом, заман-ажун, когда сквозь толщу времени, словно сквозь прозрачную толщу чаши Иссык-Куля, проступят и проступают страницы бессмертного свитка "Словаря" Махмуда аль-Кашгари. И как волны Иссык-Куля, которые порой выносят на берег нашего бытия останки затопленного города в образе амфор и глиняных чаш, так и волны времени

выносят ключи к тайным глубинам “Словаря”. Выносят не всем, но избранным. В данном случае Зифе-Алуа Ауэзовой. Этой маленькой, но полновластной хозяйке великого Храма Тюркологии. То, что не успел свершить наш предок Чокан Валиханов, то, что не успели академики В. В. Бартольд и С. Е. Малов, то, что в силу исторических причин и диктата своего времени не довели до логического завершения А. Н. Кононов и И. В. Стеблова — выпала честь и высокая ответственность завершить нашей современнице Зифе-Алуа Ауэзовой. Выход перевода “Дивана Лугат ат-Турк” совпал с окончанием первого этапа Государственной программы “Культурное наследие”. Необходимо отметить, что данный перевод был осуществлён и издан вне финансовых и временных рамок этого проекта. И тем самым превзошёл все мыслимые ожидания, ибо сам процесс творчества и сам процесс перевода только тогда являет собой существенный, а в данном случае, академический результат, когда он не отягощён календарными сроками, когда сам процесс происходит вне регламента и вне протокола.

Вышукница восточного факультета Ленинградского государственного университета, учёный-востоковед Зифа-Алуа Ауэзова чётко понимает и всесторонне пропагандирует дело всей своей жизни “Диван Лугат ат-Турк” Махмуда Кашгари. Мало того, она соизмеряет сей труд с реалиями современности, подчёркивая непреходящее значение данного “Словаря”: “Диван Лугат ат-Турк” свидетельствует о том, что в XI веке тюркский язык, распространившись по обширным географическим ареалам, являлся главным объединяющим фактором тюркского этноса, вобравшего в себя множество идейных и антропологических элементов человечества. Избрав для своего сочинения форму словаря, аль-Кашгари объединил многочисленных носителей тюркского языка своей эпохи в единую цивилизационную систему.

Заявленная высота соперничества языка тюрков с арабским и многогранная демонстрация богатства словесного наследия тюрков на фоне их исторического триумфа, когда тюркские военачальники были удостоены титула “Султанов Ислама”, бесспорно свидетельствуют о том, что Махмуд аль-Кашгари предрекал тюркскому языку статус второго международного языка в мусульманском мире — языка, по значимости, богатству и выразительности соразмерного языку Корана.

В результате исторических событий X—XI веков обозримое пространство цивилизационного единства тюрков ассоциировалось с “землями Ислама”, важнейшим культурным компонентом которых являлся язык арабов. Именно через арабский язык и арабский алгоритм языкознания сведения о языке и культуре тюрков могли наиболее благоприятным образом распространиться в обширном мусульманском социуме. Исходя из этого, Махмуд аль-Кашкари наполнил категории арабо-мусульманской науки содержанием тюркских наречий, создав прообраз фундаментального произведения тюрко-мусульманской культуры.

“Диван Лугат ат-Турк” расширил область познаний мусульманской науки XI века, впервые обогатив её энциклопедическими сведениями о языке и культуре тюрков. В XX веке этот гениальный труд обрёл славу далеко за пределами мусульманской цивилизации, явившись ценнейшим источником знаний общечеловеческого масштаба”.

Как когда-то существовала школа великого Абая, так в настоящее время, на стыке веков, складывается и уже даёт свои творческие всходы и результаты Школа гения казахской словесности Мухтара Омархановича

Ауэзова. Я, как поэт и издатель пятидесятитомного собрания сочинений М. О. Ауэзова, со всей ответственностью отношу и себя к этой школе. Фамилия Ауэзов в творческом, духовном и нравственно-эстетическом плане является нациообразующей фамилией. И тем выше ответственность, и тем более велика задача — найти свою тернистую тропу и свою высоту в мире науки и просвещения. Считаю и глубоко убеждён, что с этой задачей и с этой высотой Зифа-Алуа Ауэзова справилась блестяще, являясь творцом непреходящих ценностей, снискавших всестороннее признание в стране и за рубежом.

III

Принято считать, что необходимость создания Словаря Махмуда аль-Кашгари вызвана в первую очередь тем, чтобы всесторонне ознакомить представителей арабского мира, проповедующих на уровне государственного статуса Ислам, с образцами местных тюркских культурных, бытовых и социальных наречий, элементами фольклора, язычества, ритуалов и обычаев.

Но это, на мой взгляд, только внешняя, видимая сторона многовековой судьбы Словаря Махмуда аль-Кашгари. Словарь знакомил и роднил по тюркскому диалекту многих обитателей Восточного Туркестана, Центральной Азии, Ирана, Кавказа, Поволжья, Приуралья, жителей берегов Сырдарьи и Амударьи, Или и Иртыша, Крыма и Восточной Европы. Он стал своеобразной предтечей “Кодекса Куманикус”, который был создан в XII веке в Крыму, а может быть, в Генуе или в Венеции.

По утверждению академика Марата Карибаевича Барманкулова, X-XII века — тюркский Ренессанс. Арабский халифат был свергнут. Их язык перестал быть обязательным, государственным. Возникли благоприятные условия для возвращения и развития тюркского литературного языка. Большинство литературных памятников вновь стало создаваться на общетюркском языке. На родном, тюркском языке, были созданы “Благодатное знание”, “Подарок истины”, “Словарь тюркских наречий”. Караханидское государство стало центром развития тюркоязычной культуры.

Оно возникло в середине X века на территории Семиречья и части Восточного Туркестана — Кашгарии. Родоначальником династии Караханидов стал Сатука Богра-хан (915—955 годы). Постепенно территория Караханидов стала расширяться, вбирая в себя остальные районы Восточного Туркестана, долины рек Чу, Таласа, Сырдарьи, значительную часть Мавераннахра.

В Караханидское государство вошли канглы, карлуки, чигили, ягма. Столицей стал город Кашгар, затем Баласагун, позже Узген.

Вместе с Караханидским государством стала возникать в XI столетии на западе Кипчакская империя. Она охватила огузские земли в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи, приаральские и прикаспийские степи, Хорезм. Уже в середине XI века Кипчакская империя простиралась от Иртыша до Волги и далее до Днепра и Дуная.

В Таразе возводятся величественные архитектурные сооружения тюрков. До сих пор сохранились Айша-Биби, мавзолей Бабаша-хатун, купола Аяккамыра и Алаша-хана, мавзолей Караханидов.

Среди тюркоязычных учёных выделяются Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Ахмед Югнаки, Ахмед Яссави.

“В 1072-74 годах Махмуд аль-Кашгари составит “Словарь тюркских наречий”. Это было глубоко научное издание. И в то же время нечто вроде учебника и альманаха. В труде представлены основные жанры тюркоязычного фольклора. В том числе о походе Александра Македонского в область тюрков-чигилей.

Будучи представителем караханидской знати, а может, и прямым представителем династии, Махмуд аль-Кашгари посетил почти все регионы проживания тюрков. В Багдаде у него созрел замысел труда, который бы объяснил всем менталитет тюркских народов, их обычаи, мировоззрение. Важно было собрать и обобщить обширный историко-культурный и лингвистический материал, показать особенности мировосприятия тюрков, впитавших в себя предшествующее многовековое наследие предков”³.

Я бы добавил, что объяснить не только другим, но и себе самим, тюркам, о своём благородстве и величии.

Махмуд аль-Кашгари не только возвеличивает своих соплеменников, он обличает их пороки и недостатки.

И ныне не потерял актуальности его пассаж по поводу стяжательства и накопительства: “Вещи и имущество человека — его враги... Скопив богатство, считай, что это низвергся поток воды — словно волна, катит он своего обладателя вниз. Все мужи испортились из-за вещей. Увидев богатство, они кидаются на него, словно гриф на добычу... Они держат приобретённое, плача от скупости, они копят и копят золото. Из-за вещей, не памятуя о боге, сыновей своих и родственников они и в самом деле готовы задушить”.

Читая и перечитывая страницы Словаря, словно бы погружаешься в невидимые, но осязаемые волны поэтической Вселенной, извлекая вместе с прибрежной пеной бытия крупницы “вещества поэзии” тюрков:

Красное с жёлтым, словно подруги,

Не разнять их вовек.

Зелёное с алым, держась друг за друга,

Твердят: “Так живи, человек!”

Как переводчик казахского фольклора, замечу, что в своё время, работая над переводом лироэпической поэмы “Кыз-Жибек”, я не раз и не два обнаруживал эти поэтические словосочетания: “красное с жёлтым”, “зелёное с алым”, “белое с золотым”. К примеру:

— Ткут белый с золотом узор,

И, как недотканный ковер,

Так продолжается Жибек.

Весь наш с тобою разговор.

— На узор узор взамен

Я сплетаю, Тулеген,

Мне рисунок подсказали

Родичи семи колен.

Если проецировать время сотворения казахским народом фольклора “Кыз-Жибек” (XVII век) на более раннее время создания Словаря Махмуда аль-Кашгари (XI век), то можно смело утверждать, что многие казахские

³ М. Барманкулов. “Хрустальная мечта тюрков о квадронации”. Алматы. ОФ БИС, 1999.

пословицы, поговорки, прибаутки, поэтические фрагменты тюркского фольклора стали известны не только арабоязычному миру, но ещё задолго до времени рождения Словаря были близки и понятны многим разрозненным племенам единого тюркского эля.

Именно эти элементы крылатых слов и народной поэзии тюрков стали основой при создании в будущем героического эпоса и лироэпических фольклорных произведений — “Кобланды-батыр”, “Камбар-батыр”, “Ер-Таргын”, “Алпамыс-батыр”, а также баллад и стихов Казтугана, Доспамбета, Асан Кайгы. Об этом широко и подробно исследуется в книгах Мухтара Магауина “Кобыз и копьё”, “Алдаспан”, “Поэты Казахстана” и в книге Немата Келимбетова “Древние литературные памятники”, где автор непосредственно ссылается на влияние Словаря Махмуда аль-Кашгари при возникновении фольклорных произведений.

На примере многовековой истории Восточного Туркестана можно также утверждать, что книгопечатание ксилографическим способом (и древнекитайское, и древнеиндийское, и древнетюркское) берёт своё начало в VII веке в Туркестане. “Находка тангутских ксилографов в Харо-Хото говорит о высоком уровне развития книгопечатания в XI-XII веках в государстве Западное Ся⁴.

Начало книгопечатания в Тибете относят к X-XI векам. Несомненно, оно было заимствовано из Восточного Туркестана.

Итак, начало книгопечатания в Восточном Туркестане относят к середине VII века. Все остальные регионы: Тибет, Китай, Тангут, Монголия освоили ксилографическое книгопечатание на несколько веков позже.

Время появления древнетюркских ксилографических памятников относят к VII-VIII векам. Верхняя граница колеблется в пределах XI-XV веков.

Можно с полным правом утверждать, что Восточный Туркестан первым в мире освоил книгопечатание ксилографическим способом с середины VII века. Это были буддийские тексты. С того же времени начали появляться и первые ксилографические древнетюркские издания. Тюркское книгоиздание способом ксилографии продолжалось не менее девяти веков непрерывно.

Ксилографические тексты на тюркском языке зафиксированы как на руническом, так и на курсивном письме⁵.

Время создания Словаря (XI век), его многовековая судьба, вбирающая в себя почти тысячелетие, выводят на определённые исторические параллели — и во времени, и в пространстве, которое пусть в изменённом виде, но всё же присутствует названиями географических местностей на древней тюркской карте Махмуда аль-Кашгари.

Как известно из истории Караханидов, Махмуд аль-Кашгари лично сам четырежды редактировал “Диван Лугат ат-Турк”, прежде чем подарить его высокому духовному авторитету, правившему в Багдаде в 1075-1095 годах, аббасидскому халифу аль-Муктади.

Спустя два века, в 1266 году, переписчик Мухаммад ибн Аби Бакр ибн Аби-л-Фатх ас-Сави сделал копию с оригинала, а позднее — ад-Димашки, только неизвестно — копию с копии, или также с оригинала.

⁴ Восточный Туркестан.

⁵ М. Барманкулов. “Хрустальная мечта тюрков о квадрации”. Алматы. ОФ БИС, 1999. С. 106-107.

Обычно о том, что была неоднократная редакция или была произведена копия, свидетельствуют колофоны-приписки к рукописи: кем и когда была совершена переписка копии с рукописи или же редакция. Но суть не в этом, наверняка были ещё копии, да и не одна. Ещё в середине первого тысячелетия обитатели Восточного Туркестана имели тюркскую письменность "с непривычными для Китая поперечными строками и на непривычном для Китая материале — пергамене, выделанной коже". Позднее тюрки писали и на пальмовых листьях (индийское письмо), и на шёлке, а в канун создания Словаря в Восточном Туркестане уже всю практикувалась бумага.

Великий Шёлковый путь и в канун своего заката был транспортной артерией не только всевозможных товаров с Востока на Запад и наоборот. Этот путь, который веками пролегал через Баласагун и Кашгар, был и путём духовного взаимообмена. Местами сосредоточения местного люда и торговцев-караванщиков, разумеется, являлись караван-сарай, религиозные центры в облике мечетей, церквей, костёлов, синагог, буддийских храмов и монастырей, где сооружались ступы и святилища, а также несомненно многолюдные восточные базары и европейские рынки. Продавалось и обменивалось всё — от пряностей до рабыни и рабов, от шёлка и мануфактуры до печатных и рукописных книг и религиозных текстов.

"Тюрки основывали свои чисто светские своды правил, энциклопедии поведения на знании всей философии, науки, религии мира — от Аристотеля и Платона до Конфуция, Иисуса и Магомета. Но шли они от своих легенд и представлений, излагали их на тюркском языке и на тюркском алфавите, как руническом, так и курсивном.

Древнетюркский вклад в философию жизни каждого и в представления об общем государственном строительстве — это блестящий ряд сочинений, идущий от Орхоно-енисейских поэм VIII века, "Ырк битига" — "Книги сентенций" X века, от "Книги Коркута", вобравшей в себя легенды VII-XIII веков Ахмада Югнаки, энциклопедии "Словарь тюркских наречий" — "Диван Лугат ат-Турк" XI века Махмуда Кашгари, "Кодекса Куманикуса" XII-XIII веков.

Эти сочинения запечатлены как тюркским письмом — руническим и курсивным, так и письмом индийским, манихейским, китайским, арабским и латинским. В них нашли отражение светские представления прототюркских государств Элама и Хараппы, таких религиозных деятелей, как Заратуштра, Будда, Мани, Тенгри и Умай, Иисуса, Магомета, Яссави, античная философия Аристотеля и Платона, Конфуция, аль-Фараби, достижения персов и арабов, тема любви как всеобщего правила поведения Низами. И в то же время в них преобладали реалии тюркской жизни, их взгляды на жизнь и мироздание, основанные на добре, гуманности, деловой активности, росте благосостояния, возможности сосуществования разных противоположностей — хозяев и рабов, друзей и врагов, тюрков и не тюрков, зелёного и пурпурного, алого и жёлтого".

И среди этой духовной пищи в корджунах каравана были и аналогичные Словари, столь необходимые в дни многомесячного путешествия по просторам обитания многочисленных тюркских племён.

Махмуд аль-Кашгари в “Диване Лугат ат-Турк” не только перечисляет состав тюркских племён, вошедших в Караханидское государство. Он, словно бы комментируя созданную им карту, сообщает: “Первое из племён около Византии — печенеги, кипчаки, огузы, йемеки, башгирты, басмилы, кей, йабаку, татары, кыргызы, а они около Сина. Все эти племена от пределов Византии простираются на Восток. Затем чигили, тухси, ягма, играки, джаруки, чумулы, уйгуры, тангуты, хитай, а это Син, тавгач, а это Масин. Эти племена расположены между югом и севером”.

Кипчакская империя, вбирая многие из этих племён, расстилалась к северо-западу от Восточного Туркестана.

О том домонгольском периоде воистину родственно-братских отношений Степи и Поля, о смешанных браках достойных представителей тюрков и русичей не раз писали в своих трудах Лев Гумилёв и Олжас Сулейменов.

То, что было, мягко говоря, не понято, не принято и не признано советскими учёными-исследователями “Слова о полку Игореве”, являлось для моего учителя Олжаса Омаровича Сулейменова естественным в силу незаурядного ума и большого таланта учёного и поэта.

Время создания “Дивана Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари — было и временем событий и действий, запечатлённых в “Слове о полку Игореве”. Это было временем заката Хазарского каганата и расцвета Кипчакской империи, временем проникновения на обширные просторы Степи и Поля христианства, мусульманства, иудаизма, буддизма.

Ещё было далеко до прихода Чингисхана, возникновения Золотой Орды, а затем Крымского, Казанского, Сибирского, Астраханского, Казахского ханств, а затем родной по языку и фольклору, родной нам, казахам, до последнего позвонка Орды Ногайской. Но уже в это уникальное время жили и действовали городища Чуфут-Кале и Мангуп, в которых обитали караимы и крымчаки, их всех вместе с половцами-куманами-кипчаками, печенегами, берендеями, торкинами, гагаузами, огузами, татарами, мангытами, канглами, уйсунями, уйгурами, жалаирами, адаями, черкешами, киятами, конратами, дулатами, мадьярами, шымырами, албанами, найманами, уаками и многими, многими другими родами и племенами Степи, Поля, Черноморского побережья, Северного и Южного, Каспия, Кавказа, Кашгара, Баласагуна, Туркестана, Алтая, Тарбагатая, Иртыша и Забайкалья, Западного и Северного Китая, Центральной Монголии объединял и зачастую спланивал великий тюркский язык.

Естественно, что тюркизмы этой эпохи, видимые и невидимые, произрастали добрыми семенами во многих диалектах, а зачастую являлись и корнеобразующей основой.

“Слово” — уникальный памятник, в котором сохраняются многие тюркские лексемы в их самых первых значениях.

Невидимый тюркизм — одно из главных доказательств подлинной древности “Слова о полку Игореве”, в основе языка которого лежит южно-русский диалект XII века”⁷.

Олжас Сулейменов убеждён, что автор “Слова о полку Игореве” знал один из тюркских языков и разбирался в наречиях. Олжас Сулейменов

⁷ О. Сулейменов. “Аз и Я”. Алма-Ата, Жазушы, 1975. С. 59.

утверждает, что автор “не стенографирует речи персонажей, но достаточно точно стилизует их: бусоврамне у него говорят на западно-кипчакском звонком диалекте. Гзак окает, как среднеазиатский тюрк: “ходын” вместо “хадын”, “когань” вместо “каган”.

Половецкая конфедерация племён не была монойзычкой, как, например, казахская после XVI-XVII веков. Языки половцев ещё не утратили племенной специфики, и поэтому мы вправе ожидать в тюркских элементах “Слова” диалектное разнообразие.

“Ордынский” язык XV-XVI веков был уже однообразнее. И даже если П-16⁸ знал его обиходно, то не все авторские тюркизмы “Слова” были доступны его пониманию”⁹.

То, что с присущей ему интонацией, въедливо и с сарказмом “впечатывал” в свой труд “Аз и Я” Олжас Сулейменов, то, о чём с чувством собственного достоинства доказывал “невегласам учёным”, а именно присутствие на молекулярном уровне “видимых” и “невидимых” тюркизмов в “Слове о полку Игореве”, необходимо признать, что эти самые тюркские слова и наречия посредством пословиц и поговорок, а также иных словосочетаний уже “работали” на академическом уровне в “Диване Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари, присутствовали со времён событий, описываемых в “Слове”, и ранее, а следовательно, смею утверждать, что автор “Слова” не только знал один из тюркских диалектов, но и сам был носителем этого языка. Также как представители многих племён и народностей Поля и Степи, перечисленных мной выше, которые единой корневой системой тюркских наречий являлись своеобразными соавторами Словаря Махмуда аль-Кашгари, соавторами в силу того, что с самого рождения были носителями великого и неумирающего тюркского Слова.

Необходимо отметить, что известный казахский тюрколог Абжан Курьшжанов, являясь автором многих научных трудов по Орхонско-енисейскому руническому письму, Старокипчакским литературным памятникам, а также “Кодексу Куманикусу”, ещё в 1970 году опубликовал монографию “Исследование по лексике старокипчакского письменного памятника XIII века “Тюркско-арабского словаря”.

А если проецировать от времени создания Словаря Махмуда аль-Кашгари в глубь веков, то луч поиска падёт на стелы VII—VIII веков орхонских надписей, освещающая письменность “вечных камней”, которая вбирает в себя именно тюркскую основу.

Судьба Словаря Махмуда аль-Кашгари менее драматична, чем многовековая история “Слова о полку Игореве”. Ровесники по времени создания и действию, эти два великих памятника пришли к нам сквозь громаду лет не в оригинале, а в списках, и в том и в другом случае присутствует базар — Астраханский и Стамбульский. О том, как один из списков “Слова о полку Игореве” вместе с целым возом старых бумаг и хлама увёз с Астраханского базара некий “таинственный казах”, подробно описывает Олжас Сулейменов в книге “Аз и Я”. А копия рукописи Словаря Махмуда аль-Кашгари, как пишет в своём предисловии З-А. М. Ауэзова, в начале XX века принадлежала человеку по имени Назиф Паша, проживавшему в Вани

⁸ Переписчик XVI века.

⁹ О. Сулейменов. “Аз и Я”. Алма-Ата, Жазушы, 1975. С. 127.

Огуллари в Турции, он передал её в дар своей родственнице как ценную вещь. Приблизительно в 1915-1917 годах копия рукописи была выставлена на продажу на книжном рынке Стамбула и приобретена известным библиофилом Али Эмири. Позднее (вместе со всей коллекцией Али Эмири) она попала в библиотеку Миллет Генель в Стамбуле, расположенную в районе Фитих. Здесь она и хранится по сей день.

Необходимо отметить, что многие древние рукописи и издания аналогичным путём приходят к своему бессмертию. Достаточно вспомнить великого караима Авраама Самуиловича Фирковича (1787—1874 гг.). Являясь носителем тюркского языка, как и его древний народ — караим, он специально неоднократно совершал поездки в XIX веке в города Ближнего Востока, Крыма и на Кавказ, приобретая (в основном на базарах) и записывая древнееврейские тексты и эпитафии. Последние годы жизни “Великий караим” Фиркович безвыездно жил в Чуфут-Кале, где и был похоронен в караимском некрополе на верховьях Иософатовой долины, а его коллекция, насчитывающая 15000 позиций древнееврейских, караимских, крымчакских, самаритянских, арабо-тюркских рукописей и фрагментов, хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Даже этот краткий анализ показывает, что списки самого Словаря Махмуда аль-Кашгари, а также его аналогов во все последующие века верно служили познанию, культурно-политическому взаимодействию между народами и племенами Великого Турана, Арабского халифата, Кипчакской империи, а затем империи Чингисхана, государств Степи и Поля, стран Восточной Европы и Египта. Достаточно сказать, что династия мамлюков — Кутуза, Бейбарса, Калауна, ан Насира, господствовавшая в Мысыре (Египет) не один век, наряду с исторически родным тюркско-кипчакским языком вобрала в себя и государственный язык Корана — арабский. Великий путешественник Ибн Баттута в корджунах своего каравана вёз не только свои дневники и записи. Ему помогали совершать свои путешествия и словари, подобные “Дивану Лугат ат-Турк” Махмуда аль-Кашгари.

Трагедия Отрарской библиотеки XIII века спустя столетия горечью сопрягается с трагедией мировых культурных ценностей Багдада и Ирака века двадцать первого. И всё это ложится общей виной на наши плечи, ибо мы все равнодушно созерцаем телекартины этой несправедливой войны, созерцаем, несмотря на то, что наши великие предки, передавая своё сокровенное наследие, свои Словари между прошлым и грядущим, всегда свято верили звёздам будущего, на ландшафтах которого должны раскрыться все цвета и все оттенки “зелёного и пурпурного, алого и жёлтого, белого и золотого” мира бессмертного Словаря — “Дивана Лугат ат-Турк” Махмуда ибн аль-Хусайна ибн-Мухаммед аль-Кашгари.